

А. А. КАСЬЯН, С. В. КУРЕВИНА, Н. Е. ПЕТРОВА

ЗАТУХАЮЩИЙ СИГНАЛ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассмотрены научно-идеологические дискуссии, проходившие в ряде областей отечественной науки (философия, биология, языкознание и др.) в середине XX в., и сделана попытка преодолеть стереотипы прошлого (апологетика и нигилизм), характерные для их оценок. Значительное внимание уделено влиянию дискуссий на региональную науку. Рассматривается реакция региональных научно-образовательных сообществ на кампании, инициированные в центре, и причины, ее обусловившие.

Ключевые слова: наука, история науки, власть, государство, идеология, философия, мировоззрение, центр, регион, научно-педагогические кадры.

Вторая половина сороковых – начало пятидесятых годов XX в. в СССР были ознаменованы рядом дискуссий по философии, биологии, физиологии высшей нервной деятельности, химии, языкознанию, политэкономии¹. Эти дискуссии, которые принято называть главными², имели ярко выраженный идеологический характер и были направлены на утверждение государственной идеологии (марксизм-ленинизм, советский патриотизм) в качестве фактора, оказывающего непосредственное влияние на развитие отечественной науки, и достижение идеологической чистоты научного сообщества. Ход дискуссий регулировался высшим политическим руководством страны. В то же время кроме идеологической у них была и научная составляющая. Она заключалась не только в том, что участники дискуссий оперировали научными фактами,

---

¹ См.: Дискуссия по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии». 16–25 июня 1947 г. Стенографический отчет // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 3–504; О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ им. В. И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 года. М., 1948; Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. 28 июня – 9 июля 1950 г. Стенографический отчет. М., 1950; Состояние теории химического строения в органической химии. Всесоюзное совещание 11–14 июня 1951 г. Стенографический отчет. М., 1951. Материалы дискуссии по политэкономии (1951) в полном виде опубликованы не были. Итоговым документом стала работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» // Большевик. 1952. № 18. С. 1–50. Дискуссия по языкознанию, начавшаяся в газете «Правда» 9 мая 1950 г., фактически завершилась 20 июня 1950 г., когда в той же газете была напечатана статья И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Материалы всех научно-идеологических дискуссий представлены в хрестоматии: «Дискуссии в советской науке и идеология» / Отв. ред. А. А. Касьян. Нижний Новгород, 2009.

² См.: *Кожевников А. Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4. С. 26–58.

но и в том, что в их рамках происходило столкновение различных научных теорий и подходов. Поэтому их можно квалифицировать как научно-идеологические.

Кроме философской дискуссии 1947 г. дискуссиям в науке предшествовали известные идеологические постановления ЦК ВКП(б): «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (1946), «О кинофильме “Большая жизнь”» (1946), «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» (1948). Эти постановления определяли духовную ситуацию в обществе, его официальный дискурс, задавали ту «систему координат», в рамках которой проходили, в частности, научно-идеологические дискуссии.

Научно-идеологические дискуссии основательно освещены в литературе³. Их анализ всегда был социально-исторически детерминирован, нес на себе отпечаток времени, в которое он проводился. Непосредственно во время дискуссий и вскоре после их проведения – это апологетика принятых решений. Затем – фактическое замалчивание. Работы перестроечного и постперестроечного времени более объективны, но все же не до конца, поскольку писались как ответ на апологетику прошлого, «исправляли ошибки» в характеристиках и оценках дискуссий. Эта односторонность может быть преодолена (насколько это возможно), только если учитывать всю многоаспектность и неоднозначность происшедших событий.

Анализ научно-идеологических дискуссий, как правило, был посвящен событиям, происходившим в «центре», в Москве, в высших партийно-государственных и научных структурах. Это – вершинные точки советской науки, их действующие лица – самого высокого ранга. Но что происходило после завершения этих событий? Каким был отклик на научно-идеологические дискуссии в провинции, в периферийных вузовских и научных сообществах? В данной статье сделана попытка ответить на этот вопрос на примере города Горького. Этот пример достаточно репрезентативен: с одной стороны, Горький – не «центр» (не Москва, не Ленинград, не АН СССР, не МГУ и т. п.), с другой, – это крупный научно-образовательный центр.

---

³ См.: *Аллатов В. М.* Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271–288; *Грэхэм Л.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991; *Есаков В. Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 83–106; *Кожевников.* Игры сталинской демократии...; *Кременцов Н. Л.* Равнение на ВАСХНИЛ // *Репрессированная наука*. СПб., 1994. Вып. 2. С. 83–96; *Кривоносов Ю. И.* Сражение на философском фронте. Философская дискуссия 1947 года – пролог идеологического погрома науки // *ВИЕТ*. 1997. № 3. С. 63–86; *Метафизика и идеология в истории естествознания*. Сб. статей / Отв. ред. А. А. Печенкин. М., 1994; *Никоро З. С.* Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика. М., 2005; *Павловская сессия 1950 г. и судьбы советской физиологии (круглый стол)* // *ВИЕТ*. 1988. № 3. С. 129–141; № 4. С. 147–156; 1989, № 1. С. 94–108; *Россиянов К. О.* Сталин как редактор Лысенко // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 56–69; *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; *Сонин А. С.* «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1994; *Философия не кончается*. Из истории отечественной философии XX века / Отв. ред. В. А. Лекторский и др. М., 1998.

* * *

Модель регионального отклика на научно-идеологические дискуссии в «центре» начала складываться после дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (1947), а утвердилась после биологической дискуссии, состоявшейся на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.⁴ Реакция властных структур (а это, прежде всего, партийные органы) на дискуссию по философии первоначально была минимальной. В обкоме КПСС 16 сентября 1947 г. состоялось совещание с участием научных работников вузов по вопросам идеологической работы. Во вступительном слове секретаря обкома философская дискуссия была упомянута лишь один раз. В горьковских документах того времени – ни одного упоминания.

Протоколы заседаний партбюро Горьковского университета (ГГУ) за период с 24 июня по 25 декабря 1947 г. (их двадцать одно!) не содержат никаких упоминаний о дискуссии. Правда, в «Плане идеологической работы парторганизации университета на 1-й семестр 1947–48 учебного года» тема дискуссии представлена весьма основательно. В дальнейшем внимание к ней постепенно нарастало, что явилось следствием соответствующего приказа Минвуза СССР (декабрь 1947 г.). Об этом свидетельствуют решения общего партсобрания ГГУ (январь 1948 г.).

Представление о роли кафедры марксизма-ленинизма ГГУ (кафедры философии в этот период в университете не было) дает «Перечень вопросов, разрешенных кафедрой марксизма-ленинизма на своих заседаниях в 1947–48 учебном году»⁵. В нем приводится повестка дня всех заседаний кафедры в течение всего учебного года. Первые четыре заседания (сентябрь – декабрь 1947 г.) не содержат каких-либо упоминаний о философской дискуссии, хотя вопросы идеологического характера на всех этих заседаниях ставятся и рассматриваются. И только на январском заседании кафедры марксизма-ленинизма в 1948 г. четвертым пунктом повестки дня (перед пунктом «Разное») стоит вопрос «Сообщение т. Лиогонького об увязке философского материала (§ 2 гл. IV “Краткого курса”) с итогами философской дискуссии»⁶. Показательна формулировка – не философская дискуссия как таковая, а ее связь с содержанием известной работы, имеющей официальный статус и директивное значение – «История ВКП(б). Краткий курс». Такое видение проблемы и такая формулировка вопроса могли принадлежать заведующему кафедрой, специалисту по истории партии В. П. Фадееву. Логика его рассуждений могла быть такой: «Краткий курс» в СССР – это нечто подобное Священному писанию для верующих, канонический текст. А философская дискуссия многопланова по своему содержанию, ее участники критиковали и разоблачали друг друга, утверждали свою точку зрения, оценка каждого выступления партийным руководством не дана, никакого итогового официального документа не принято.

⁴ См.: Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 3, 258, 275, 786, 932; Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 377, 2533, 2595, 2734.

⁵ См.: ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 263а.

⁶ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 263а. Л. 3.

Показателен и ответ А. А. Жданова на вопрос, заданный ему на последнем заседании, о том, как и какой круг людей информировать о философской дискуссии: «Так и такой, какой вам будет угодно. Никаких специальных директив от ЦК не будет»⁷. Поэтому необходима «увязка» дискуссии с «Кратким курсом», взгляд на нее и оценка сквозь призму «Краткого курса». В протоколе заседания кафедры значится:

В своем сообщении тов. Лигонький рекомендует проводить изучение философского материала так, чтобы изложение марксистской философии было научным – основанным на фундаменте современных достижений. Изложение марксистской философии не должно быть схоластичным, а творчески-действенным, непосредственно связанным с задачами современности, должно подводить слушателей к их уяснению и намечать перспективы дальнейшего развития. Существенным требованием при этом должно быть решительное разоблачение современной реакционной идеалистической и вульгарно-материалистической теории⁸.

Итоги рассмотрения вопроса об «увязке» подвел заведующий кафедрой. Он «рекомендует изредка ставить такие информации и высказывает пожелание, чтобы в этих информациях давался конкретный материал, облегчающий наши занятия»⁹.

Обращают на себя внимание слова из резюме: «информация», «изредка», «облегчающие». Идеи дискуссии не выступают здесь руководством к действию, явно не в центре внимания руководителя кафедры. Почему так? Специальность заведующего – история партии – влияет на отношение к вопросу? Или отсутствие каких-либо указаний (от ЦК до парткома и ректората) о реакции на философскую дискуссию? Или позиция, согласно которой абстрактные философские теории имеют малое отношение к реалиям жизни и практической деятельности? Могут быть и другие ответы на этот вопрос. Возможно, он думал, что если от философии никуда не уйти (в том смысле, что она находится в «фокусе» внимания высшего партийного руководства), то надо быть с ней, по крайней мере, очень осторожным. Компас – это § 2 гл. IV «Краткого курса», который называется «О диалектическом и историческом материализме». Не случайно, видимо, и в отчете кафедры марксизма-ленинизма ГГУ о работе за 1947/1948 учебный год о философской дискуссии ничего не говорится¹⁰. Там есть раздел «Идейно-теоретическая и воспитательная работа кафедры», где философский мотив звучит лишь трижды: при обсуждении работы философского семинара для преподавателей университета, введении курса диалектического и исторического материализма, подписки на журнал «Вопросы философии» (все это можно считать положительным влиянием философской дискуссии на обществоведческое образовательное сообщество). Иначе, вероятно, и быть не могло хотя бы в силу кадрового состава кафедры.

⁷ Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии» // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 300.

⁸ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 263а. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 188.

В отчете он характеризуется так: заведующий кафедрой В. П. Фадеев (кандидат исторических наук, доцент), старших преподавателей – 5 чел., совместителей – 3 чел. Единственный штатный преподаватель, имеющий ученую (кандидатскую) степень по философии, – И. Б. Лиогонький, незадолго до этого защитивший диссертацию по теме «К вопросу о роли субъективного фактора в войне». Ему и пришлось быть посредником между философией и наукой в ГГУ в середине 40-х гг. XX в.

Ситуация в Горьковском государственном педагогическом институте (ГГПИ) во многом определялась субъективным фактором: участником дискуссии был представитель кафедры марксизма-ленинизма В. И. Фомин (текст его не прозвучавшего выступления был включен в стенограмму), который уже в конце июня выступил на расширенном заседании кафедры по ее итогам. А дальше – на всех уровнях и во всех возможных формах научно-образовательной деятельности вуза – развитие этой темы. В плане работы ученого совета института на октябрь был запланирован вопрос «Итоги философской дискуссии и задачи в идейно-политическом воспитании студенчества». Отчет ГГПИ за первое полугодие 1947/1948 учебного года уделяет большое внимание теме философской дискуссии. В плане работы кафедры марксизма-ленинизма на первое полугодие она представлена очень основательно¹¹. Это относится ко всем направлениям деятельности кафедры: учебному, научному, методическому, воспитательному и т. д. А вот в «Отчете о работе кафедры марксизма-ленинизма ГГПИ за 1947–48 уч. год» о дискуссии нет ни слова. К середине учебного года уровень обсуждения стал примерно таким же, как в ГГУ. Налицо то, что называлось словами «кампания», «кампанейщина», что официально осуждалось, но имело место.

Первой реакцией на Августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 г. в Горьком была перепечатка в местных изданиях тематических материалов из центральных газет. В сентябре того же года состоялось собрание биологов города. Основной доклад сделал ректор ГГУ А. Н. Мельниченко (сам биолог). Большая его часть была посвящена изложению речи Т. Д. Лысенко на сессии. Завершался доклад разделом «Положение биологической науки в г. Горьком и наши задачи»¹². Здесь было и самобичевание, и раскаяние, и заверения в готовности работать «на пользу родного народа, на скорейшее построение коммунистического общества». Выступавших в прениях можно условно поделить на «умеренных» и «непримиримых». К первым принадлежало большинство выступавших биологов, ко вторым – партийные и административные функционеры. Выступление секретаря горкома ВКП(б) по пропаганде Панкратова было попыткой обострить ситуацию, придать ей более выраженный идеологический характер. Ответственность за положение в вузах он возложил на партийные организации и кафедры марксизма-ленинизма. По его мнению:

Тот факт, что в Госуниверситете в течение ряда лет пропагандировались реакционные идеи о генах наследственной одаренности, говорит об от-

¹¹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 58.

¹² См.: Итоги 4-й сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина // Горьковская коммуна. 26 сентября 1948 г. № 229. С. 2.

существованию необходимой большевистской критики и самокритики в коллективе. А ведь в университете есть партийная организация, есть кафедра марксизма-ленинизма, преподаватели которой, казалось бы, должны были дать отпор реакционеру от биологии проф. Четверикову, но этого, к сожалению, не произошло. Больше того, на ученом совете биофака [...] в докладе и в прениях был обойден вопрос о положении в университете. Все дело было сведено только к Четверикову, да и критика его была с оглядкой, вежливая, чтобы даже заочно не обидеть реакционера от биологии. Политической оценки состояния дел не было дано¹³.

Центральное место в событиях, связанных с дискуссией в области биологии, занимал университет – не только потому, что это главный вуз города, имевший специальный биологический факультет, но и потому, что в нем многие годы работал один из лидеров отечественной генетики С. С. Четвериков, сразу же после сессии уволенный¹⁴. Свое увольнение из университета Четвериков пытался воспринимать стоически. В декабре 1950 г. он писал в одном из писем:

...я часто думаю, что у нас сейчас мало людей таких счастливых, как я. Подумайте только – свободен как ветер, могу работать над тем, что тянет, работаю столько, сколько хочу и сколько могу, не знаю что такое заседания и совещания, что такое планы и комиссии, словом не знаю никакой муры¹⁵.

В реакции администрации, партийной организации и коллектива ГГУ на решения Августовской сессии ВАСХНИЛ можно выделить два взаимосвязанных аспекта – организационный и вербальный. Первый включал решение вопросов, находящихся в ведении администрации университета и в значительной мере контролируемых Министерством высшего образования: кадры, структура подразделений биологического факультета, учебные программы и планы научных работ. Второй – теоретическую часть и идеологическую риторику.

Обсуждению ситуации, сложившейся в связи с сессией ВАСХНИЛ, был посвящен ряд университетских мероприятий: заседание совета биофака, заседания ученого совета университета, партийное собрание университета. Основные направления перестройки преподавания биологии и научной работы в этой сфере были намечены в сентябре, когда вышел приказ ректора ГГУ, предписывавший организовать кафедру дарвинизма; разъяснить суть

---

¹³ Выше знамя мичуринской науки. Прения по докладу тов. Мельниченко об итогах 4-й сессии ВАСХНИЛ им. В. И. Ленина на собрании работников биологической науки гор. Горького // Горьковская коммуна. 28 сентября 1948 г. № 230. С. 2.

¹⁴ С. С. Четвериков после высылки в 1929 г. из Москвы и нескольких лет скитаний по провинции с 1934 г. работал в ГГУ. До весны 1947 г. – декан биофака (освобожден «от должности по состоянию здоровья»). Одновременно до сентября 1948 г. – завкафедрой генетики. В личном деле Четверикова имеется запись: «Выписка из приказа по ГГУ № 201 от 31 августа 1948 г. Во исполнение приказа министра высшего образования СССР от 23 августа с. г. № 1208 зав. кафедрой генетики и селекции профессора С. С. Четверикова от работы в университете освободить с 1 сентября с. г. Ректор Мельниченко».

¹⁵ Цит. по: Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания / Сост. Т. Е. Калинина. М., 2002. С. 493.

доклада Т. Д. Лысенко на всех уровнях; пересмотреть учебники и учебные программы, изъяв темы, связанные с генетикой, и добавив актуальные темы; просмотреть публикации сотрудников кафедр, вышедшие в различных изданиях, «подвергнув суровой критике работы антимичуринского направления»; обязать директора ботанического сада заложить питомник мичуринских плодово-ягодных растений; организовать углубленное изучение работ Мичурина и Лысенко и пропагандировать их идеи среди населения; обязать коллектив кафедры основ марксизма-ленинизма оказывать работникам биологического факультета систематическую помощь в овладении высотами марксистско-ленинской философии¹⁶.

Кафедра генетики, руководимая прежде Четвериковым, была расформирована. Ее штаты, помещение и оборудование передавались вновь организованной кафедре дарвинизма и генетики. Возглавил ее Мельниченко. В штат кафедры вошли сотрудники расформированной кафедры генетики, раскаявшиеся в прежних генетических «заблуждениях», – доцент А. Ф. Шереметьев, ассистент И. Н. Грязнов. Кроме того, на работу были приняты опальные генетики из сельскохозяйственного института профессор Г. Г. Гушин и ассистент М. М. Рудакова¹⁷.

Такая непоследовательность в действиях главного режиссера перестройки биологической науки в университете объясняется сложностью ситуации. Кадровое обеспечение высшей школы после войны было недостаточным. Многие биологи в Горьком наряду с основной должностью работали по совместительству в других вузах. Поэтому требование обеспечить идеологическую чистоту в вузовских сообществах биологов ставило руководство вузов в затруднительную ситуацию. Если бы приказы сверху о выявлении «вейсманистов» выполнялись в полном объеме, это привело бы к кадровому кризису. Биологию было бы некому преподавать.

Биологическое образование в университете было приведено в соответствие с новыми требованиями. В первую очередь это касалось кафедры дарвинизма и генетики: ей предписывалось «учитывая, что у студентов 5–4 курсов учебная работа строилась на лжеучении [...] начать с изучения материалов ВАСХНИЛ»¹⁸. Потребовались большие усилия по созданию новых учебных программ, списков литературы. Положение преподавателей осложнялось тем, что им самим приходилось учиться новой биологии. Другие кафедры биофака – зоологии позвоночных, физиологии животных, морфологии и систематики растений – в меньшей степени затрагивались перестройкой, но и здесь отдельные элементы учения Лысенко включались в учебный материал. Кроме того, во всех студенческих группах были прочитаны лекции по материалам сессии ВАСХНИЛ. Независимо от узкой специализации все преподаватели биофака (кто в большей, кто в меньшей степени) приняли участие в пропаганде итогов сессии ВАСХНИЛ и положений нового биологического учения. В школах, трудовых коллективах, воинских частях были прочитаны сотни лекций.

¹⁶ См.: ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 300. Л. 244 и др.

¹⁷ См.: ЦАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 109. Л. 14, 17 и др.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 317. Л. 9.

21 сентября 1948 г. издается приказ № 623 по главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР «Об исключении из плана научно-исследовательских работ Главного управления университетов тем антимишуринского, формально-генетического направления». Во исполнение этого приказа из плана научно-исследовательской работы ГГУ исключаются темы, «связанные с генетикой и оторванные от нужд народного хозяйства». В числе исключенных темы, руководителем которых был Четвериков, – «Химические факторы мутационного процесса» и «Селекция на шелконосность и на березовый корм китайского дубового шелкопряда».

Не обошлось и без ритуальных покаяний и разоблачений. Так, в статье «Овладеем мичуринской биологией» в университетской многотиражке «За Сталинскую науку» (11 сентября 1948 г.), вышеупомянутые приверженцы «формальной» генетики писали:

Вся работа существовавшей у нас кафедры генетики основывалась на пропаганде идей вейсманизма-морганизма [...] Руководителями кафедры доц. Никоро, а затем проф. Четвериковым упорно игнорировалось мичуринское учение, сознательно замалчивались практические достижения мичуринцев в области сельского хозяйства. Из всех читаемых курсов было исключено учение Тимирязева–Мичурина–Лысенко. Великий теоретик и преобразователь природы И. В. Мичурин и талантливейший ученый академик Т. Д. Лысенко игнорировались проф. Четвериковым [...] Руководители кафедры сознательно добивались того, чтобы не допустить приглашения на кафедру сторонников мичуринского направления, – «они будут портить студентов», – так говорил проф. Четвериков и его сторонники [...] Бесплодность вейсманизма-морганизма достаточно ярко демонстрируется практической работой Четверикова.

Вот в то же время критика другого рода: на партийном собрании 30 сентября 1948 г. директор физико-технического института при ГГУ М. Т. Грехова обвинила Мельниченко в отсутствии самокритики:

А почему, тов. Мельниченко, Вы умолчали о том, как в 1946 г. лично Вы и проректор по научной работе профессор Воронцов достаточно активно поддержали на заседании Ученого Совета университета предложение Четверикова о выдвижении в качестве кандидата на баллотировку в члены-корреспонденты АН СССР ученика Четверикова вейсманиста-морганиста Дубинина. И как известно Дубинин был избран¹⁹.

Идея Лысенко о непримиримой борьбе двух направлений в биологии и невозможности третьей, нейтральной позиции неоднократно подчеркивалась в документах и выступлениях. Однако объективно дискуссия в университетском сообществе биологов обнаруживала ложность, идеологическую надуманность этой идеи. Биология является дифференцированной наукой, состоящей из относительно самостоятельных дисциплин. Вопросы наследственности, разумеется, важные в общетеоретическом аспекте, далеко не всегда существенно влияют на решение более частных биологических проблем.

¹⁹ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 16. Д. 22. Л. 151.

Научная и учебная работа в университете осуществлялась в рамках кафедр, перечень которых приблизительно соответствовал основным направлениям биологии. При этом университетское образование было ориентировано на передачу студентам универсальных теоретических знаний. Конечно, имена Мичурина и Лысенко ученым университета были и раньше известны, но – как имена практиков сельского хозяйства. Итоги IV сессии ВАСХНИЛ застали ученых университета врасплох в части претензий «новой биологии» на статус парадигмы биологической науки. Преподаватели биофака на различных собраниях и заседаниях неоднократно говорили о том, что не знают учения Лысенко. К его признанию большинством биологов принуждалось не силой научной аргументации, а соображениями социальной безопасности.

В теоретическом аспекте перестройка биологии свелась к некритическому усвоению учения Лысенко и наследия Мичурина. Но и генетику никто из преподавателей университета с научных позиций не критиковал. Критика носила поверхностный, тенденциозный характер, сводилась к обвинениям в идеализме, низкопоклонстве перед Западом и бесплодности. В массе выступлений против Четверикова и генетики в целом бросается в глаза отсутствие научной аргументации, монотонное, многократное, почти дословное повторение в различных собраниях – заседаниях – изданиях одних и тех же штампованных фраз.

Отзвук полемики по проблемам генетики в ГГУ нельзя назвать научной дискуссией, ибо, хотя в ней и участвовали ученые, они не были специалистами в данной области. Не была она научной дискуссией и ввиду той роли, которую в определении ее результатов сыграли административно-идеологические «аргументы». В дискуссии должны участвовать две стороны. Пользуясь спортивной аналогией, можно сказать, что победа была присуждена сторонникам учения Лысенко вследствие отсутствия противника.

Сессия ВАСХНИЛ 1948 г. на два года определила перестроечную работу биологов университета, внося в атмосферу коллектива элемент нервозности, связанной с кадровыми перестановками, пристальным вниманием руководства, необходимостью ломать некоторые привычные представления о биологической проблематике. Мало-помалу импульс перестройки, сообщенный «сверху», стал угасать. Думается, что декан биофака В. А. Гусева выразила на заседании ученого совета биофака (протокол № 9 от 16 декабря 1949 г.) общее мнение: «В отношении мичуринской биологии все выступали очень хорошо, но не нужно быть в роли вечно кающихся людей. Понять ошибки и главное – их исправить»²⁰.

В других вузах, где изучалась биология, события развивались по тому же сценарию, что и в университете. Отличия были непринципиальными. Показательно, что в декабре 1948 г. работу Горьковского медицинского института обследовала бригада Минздрава РСФСР. Особое внимание проверяющие уделили выполнению плана мероприятий по реализации решений сессии ВАСХНИЛ. Члены бригады проверяли стенограммы заседаний ученого совета и учебных лекций, посетили кафедры, беседовали с преподавателями и студентами. Выводы были достаточно спокойные. По результатам обследо-

²⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 405. Л. 62.

вания был составлен документ, в котором одобрялся план мероприятий и его реализация²¹.

Общая идеологическая обстановка в стране, философская дискуссия и Августовская сессия ВАСХНИЛ дали импульс для проведения идеологических кампаний в других науках. В частности, в языкознании происходила активизация идей Н. Я. Марра, казалось бы, созвучных общей руководящей идеологической линии. Директивы руководящих научных и образовательных структур предписывали рассматривать учение Марра («новое учение о языке») как единственно правильную лингвистическую теорию.

В Горьком было три вуза, имевших лингвистические кафедры и ведущих подготовку студентов-филологов. Это – ГГУ, ГГПИ и Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков (ГГПИИЯ). В каждом из них кампания марризма имела свои особенности при неизменности общих идеологических установок: борьба с идеализмом и космополитизмом, утверждение приоритета советских ученых в лингвистике и других науках (для этого конструировался образ Марра как решительного врага космополитизма, патриота, борца с «буржуазной» наукой, ученого-марксиста).

Анализ архивных материалов, периодической печати, воспоминаний участников позволяет сделать вывод о том, что внедрение «нового учения о языке» в учебно-воспитательную деятельность горьковских вузов проходило в целом по общим для всей страны правилам: корректировка программ и учебных лекций, организация соответствующих спецкурсов, семинаров, конференций, популяризаторские лекции для неспециалистов, необходимые словесные «реверансы» в сторону марровской теории в научных работах. Следование основным идеологическим установкам, диктуемым центром, выражалось в табуировании имен зарубежных и некоторых «неблагонадежных» советских лингвистов, а также в использовании стандартной риторики типа «реакционные буржуазные ученые», «дух формализма и идеализма в языкознании», «вредное формалистическое учение», «безродные космополиты», «подлинно марксистское учение о языке» и т. п.

Несмотря на идеологизацию и политизацию учения Марра рядовые преподаватели и студенты часто игнорировали посещение соответствующих семинаров и конференций (сетования на это постоянно встречаются в архивных документах). Не проявляли творческой активности и штатные идеологи-философы: их роль в этот период ограничена пассивным восприятием информации. В вузах не было кадровых пертурбаций и репрессий в отношении отдельных лиц. Вместе с тем имело место более серьезное влияние теории Н. Я. Марра на учебную и воспитательно-идеологическую деятельность коллектива института иностранных языков, что объяснимо профилем данного вуза, где язык являлся основным объектом изучения.

Таким образом, есть основания сделать вывод, что внедрение «марксистского языкознания» в преподавание языка было в вузах Горького достаточно формальной реакцией на директивы министерства. Ссылки на Марра и ничего конкретно не значащие цитаты из его работ, конечно, фигурировали в научных трудах, но фактическое содержание базового лингвистического

²¹ См.: ЦАНО. Ф. 2533. Оп. 2. Д. 449. Л. 9.

образования студентов-филологов продолжало оставаться традиционным – и это на фоне агрессивной активизации марризма в центре. Причиной этого было не только то обстоятельство, что пропаганда «нового учения о языке» по существу не была (и не могла быть в силу специфичности самого учения и его автора) обеспечена соответствующими кадрами и научно-методической литературой. Дело еще и в том, что перед периферийными вузами стояла очень прагматичная задача: они готовили не будущих ученых, а прежде всего квалифицированных практиков – преподавателей русского языка для школ и средних специальных учебных заведений. Для решения этой насущной задачи учение Марра было очевидным образом непригодно.

На этом фоне 9 мая 1950 г. в «Правде» неожиданно было объявлено о начале свободной дискуссии по проблемам языкознания, призванной «преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Открыл дискуссию один из самых последовательных оппонентов Марра академик АН Грузинской ССР А. С. Чикобава. Необычна была и форма дискуссии, которая развернулась не в рамках какого-либо форума ученых, не на страницах научного журнала, а в главном печатном органе ЦК ВКП(б) и, таким образом, была обращена к самым широким слоям населения. Фактически проблемы лингвистики выносились на всесоюзное обсуждение. После статьи Чикобава в редакцию «Правды» поступило более 200 статей-откликов, некоторые из них были напечатаны, причем соотношение сторонников и противников Марра было примерно равным. Результат обсуждения был неопределенен до тех пор, пока 20 июня 1950 г. «Правда» не опубликовала статью И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании».

Суть выступления Сталина заключалась в следующем: 1) язык коренным образом отличается от «надстройки» (т. е. политических, правовых, культурных и других форм деятельности человека и общества) тем, что порожден не «базисом» общества, а всем ходом истории общества и истории «базисов» в течение веков; 2) язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека в том плане, что его словарный состав отражает изменения в данной сфере; 3) язык безразличен к людям, но люди небезразличны к языку, они стараются использовать язык в своих интересах; 4) с помощью языка может выражаться любая идеология, но нельзя приписывать некую идеологию самому языку; 5) общество, в том числе и классовое, представляет собой систему, и язык – одно из связующих звеньев этой системы.

С момента выхода статьи Сталина дискуссия как таковая закончилась, и началась всесоюзная кампания по развенчанию «антинаучной», «антимарксистской» теории Марра и борьбе с последствиями марризма в науке и образовании. Реакция на эту статью в вузах Горького была быстрой и весьма энергичной. Дискуссии по вопросам языка и языкознания как таковой не было, фактически одна «руководящая линия» в изучении и преподавании языка сменилась другой. В начале учебного года на расширенном заседании ученого совета ГГУ был заслушан доклад и. о. завкафедрой диалектического и исторического материализма И. П. Белоусова «О работах тов. Сталина по вопросам языкознания», и уже в октябре 1950 г. была проведена теоретическая конференция по материалам работы Сталина. От лингвистической кафедры

выступили профессор А. В. Миртов с докладом «О внутренних законах развития языка», доцент В. Н. Зиновьев – «И. В. Сталин о языке и мышлении», старший преподаватель Н. П. Бадаева – «И. В. Сталин о языке и диалекте». В обсуждение языковых вопросов активно включаются и лингвисты. Вот перечень их докладов: «Значение работ т. Сталина по языкознанию для изучения истории первобытного общества», «Значение работ т. Сталина по языкознанию для изучения истории СССР», «Значение работ т. Сталина по языкознанию для изучения русской литературы». Стереотипность формулировок тем докладов не скрывает их тенденциозности. Таковы были правила «игры» в дискуссии, продиктованные политико-идеологической и нравственной атмосферой того времени, а кроме того, выступление Сталина действительно определило новые тенденции в развитии лингвистической науки.

Вскоре после выхода в свет его статьи, 27 июня 1950 г., в ГГПИ состоялось внеочередное заседание ученого совета института, на котором завкафедрой русского языка И. А. Калинин сообщил об итогах дискуссии по вопросам языкознания и резкой критике Сталиным «аракчеевского режима» в науке, порожденного марризмом. Ученый совет рекомендовал «всему профессорско-преподавательскому составу ГГПИ глубоко изучить статью И. В. Сталина и положить ее в основу всей научной и учебной работы кафедр»²². Из учебно-методической документации необходимо было устранить все, имеющее отношение к Марру и его теории, в лекциях и на практических занятиях – обращать внимание на ошибочные положения в имеющейся и пока не обновленной учебной литературе. К 30 июня кафедра русского языка организовала лекции по статьям Сталина для выпускников вуза, а занятия на заочном отделении в летнюю сессию 1950 г. уже были перестроены в соответствии с указаниями вождя. 1 сентября 1950 г. занятия в институте начались с лекции Калинина о работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». По словам очевидцев актов зал, где в течение двух часов проходила эта лекция, был переполнен, присутствовали как студенты, так и преподаватели всех факультетов. Брошюра Сталина произвела эффект разорвавшейся бомбы, но преподаватели и студенты с энтузиазмом встретили критику марровского учения, поскольку авторитет вождя освобождал их от обязательного изучения яфетической теории, которую большинство не понимало. На всех факультетах были созданы курсы по изучению статей Сталина.

Перестройка работы вуза сопровождалась ритуальной критикой и самокритикой. Предвидя обвинения в адрес руководимого им коллектива, в докладе на упоминавшемся выше ученом совете Калинин подчеркнул, что на кафедре русского языка не было засилия «нового учения о языке»²³, большинство членов кафедры не приняло целый ряд положений Марра (о палеонтологическом анализе, классовости языка, порочности сравнительно-исторического метода и др.) и в своей научной работе не руководствовалось марровской методологией. Калинин обратил внимание совета на то, что в течение ряда лет кафедра буквально понуждалась к распространению ошибок теории Марра решениями президиума АН СССР, Министерства высшего образования СССР. В заключи-

²² ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 204. Л. 16.

²³ Там же. Д. 167. Л. 69.

тельном решении ученый совет использовал достаточно мягкую формулировку: «в работе кафедры русского языка допущен ряд ошибочных положений в вопросах языкознания»²⁴. Все участники описанного нами действия прекрасно знали, что еще несколько месяцев тому назад и помыслить нельзя было о том, чтобы «по-марксистски» вскрыть несостоятельность теории Марра, что руководство вуза не допустило бы неподчинения кафедры и ее руководителя директивам, идущим из центра, однако необходимые обвинительные слова и фразы должны были быть произнесены и зафиксированы.

Далее ход событий в вузах шел по накатанной колее: изменения в учебном процессе (в частности на филологических факультетах вместо спецкурса «Академик Н. Я. Марр и его учение о языке») был поставлен спецкурс «Основы сталинского учения о языке»), перестройка научной работы, пересмотр и коррекция тематики курсовых и дипломных работ, в ГГУ из кабинета русского языка и общего языкознания были изъяты сочинения Марра, происходило изменение плана работы студенческих научных кружков, разъяснение и пропаганда работ Сталина по языкознанию в аудиториях школьных и внешкольных работников, агитаторов и пропагандистов, творческой интеллигенции, преподавателей вузов-нелингвистов, изменения программ всех гуманитарных учебных курсов, имеющих отношение к языкознанию учебных курсов и т. д. Все это сопровождалось стенографированием, посещением и последующим обсуждением лекций, работой проверяющих комиссий, взаимной критикой, самокритикой и тому подобными ритуальными действиями.

Характерно название доклада ректора ГГУ Мельниченко на заседании ученого совета университета 18 мая 1951 г. – «О перестройке преподавания и научной работы за 1950–1951 годы в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания»²⁵. Эти труды, как предполагалось, имеют основополагающее значение для всей науки, всего образовательного процесса. Поэтому докладчик, отчитываясь о перестройке работы негуманитарных факультетов «в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», называет ряд дискуссий по методам преподавания физики и математики, которые прошли в университете в октябре – декабре 1950 г. и имели характерное идеологическое содержание: борьба с идеализмом, космополитизмом, утверждение приоритета русской, отечественной науки. Но, по сути дела, в работе других факультетов вуза дискуссия по вопросам языкознания отразилась лишь постольку, поскольку изучение работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» было обязательным в рамках специальных семинаров для преподавателей и в работе кафедр общественных наук.

Дискуссия по вопросам языкознания 1950 г. сыграла большую роль в истории горьковских вузов – классического университета, пединститута, института иностранных языков – хотя эту роль нельзя оценить однозначно. С одной стороны, возросла значимость лингвистики как науки в глазах представителей других областей научного знания, что привлекло внимание руководителей вузов к проблемам лингвистических (филологических) кафедр и факультетов. Если до дискуссии вопросы качества языковой подготовки

²⁴ Там же. Л. 72.

²⁵ См.: ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 518.

студентов-филологов практически не обсуждаются на ученых советах ГГУ и ГГПИ, то после нее в течение почти трех лет лингвистические кафедры регулярно докладывают высшим органам вузов о результатах своей работы. Выступление Сталина освободило преподавателей от необходимости внедрять никем не признанное, малопонятное «новое учение о языке», которое не укладывалось в разделы фонетики, грамматики, истории языка, а студентов – от необходимости зазубривать и сдавать соответствующий учебный материал. Активизация работы над качеством лекций, постоянное научное и учебно-методическое общение преподавателей, причем не только лингвистических кафедр, также принесло пользу вузам. Была осознана тесная связь языкового и исторического образования, так что профессор ГГУ, член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский, например, предложил ввести в учебный план историков филологическое образование²⁶. Наконец, лингвистика как наука в вузах получила возможность более естественного развития.

С другой стороны, обсуждение итогов дискуссии и перестройка работы вузов проходили в условиях бесконечного комментирования и безудержного восхваления «гениальных трудов Сталина» без какой-либо попытки их творческого лингво-философского осмысления. Изучение языка в вузе и как учебного предмета, и как объекта науки оставалось зажатым в тесных рамках одной официально навязываемой линии, которая на этот раз определялась сталинскими установками. Интеграции вузовского языкознания в мировую лингвистику с отказом от марровской теории не происходило, поскольку сохранялась старая идеологическая установка на «борьбу с низкопоклонством перед буржуазной наукой и культурой».

В вузах развернулась кампания критики и самокритики «марристов», к которым можно было причислить фактически всех преподавателей языковых дисциплин. Многочисленные проверки разных уровней, стенографирование лекций, взаимопосещения создавали нервную обстановку на кафедрах и мешали нормальной работе, а ритуал самокритики требовал еще и бесконечного публичного «покаяния в грехах». При всем том можно сделать вывод, что в горьковских вузах в связи с дискуссией о языке не было предпринято каких-либо репрессивных мер (увольнений, понижений в должности, партийных взысканий) даже в отношении тех лиц, которые были известны как наиболее рьяные пропагандисты Марра. Руководством вузов и факультетов подчеркивался коллективный характер ошибок, имена конкретных лиц, как правило, не звучали, в официальных документах употреблялись выражения типа «отдельные преподаватели» или «некоторые преподаватели».

Дискуссии по другим наукам в горьковских вузах имели примерно такой же характер, как и отклики на дискуссии по философии, а особенно биологии и языкознанию. Но в других дискуссиях участие партийных органов было минимальным, отсутствовали серьезные кадровые перестановки, происходило быстрое «затухание» первичного импульса, резонанс от каждой из дискуссий был достаточно локальным (своеобразная физиологизация психологии в пединституте, требование отражения в работе педагогических кафедр учения И. П. Павлова и т. п.).

²⁶ См.: Там же. Д. 502. Л. 60.

* * *

Таковы события, которые, можно с уверенностью сказать, происходили в каждом научно-образовательном центре, а не только в Горьком. Но каждый город, каждый вуз имел свою специфику, оказывающую влияние на идущий из Москвы первичный сигнал. Носителями сигнала и его проводниками были люди. Это региональный партийно-государственный аппарат, администрация и профессорско-преподавательский состав вузов. Научный уровень лингвистов, химиков, биологов в Горьком был весьма высоким. Представляемые ими науки преподавались в различных вузах, где проводились и научные исследования в соответствующих областях. Языкознание было представлено целым вузом, каких в СССР было очень немного. В языкознании были и сторонники, и противники учения Марра. А в биологии почти не было ни подлинных специалистов в области генетики, ни явных приверженцев учения Лысенко. В химии в отношении квантово-механического подхода – похожая ситуация. В физиологии высшей нервной деятельности никто из участников дискуссии не подвергал сомнению высокий статус и значение для науки учения И. П. Павлова. Уровень философов и экономистов коррелировал с общесоюзным и отличался не в лучшую сторону от уровня столичных обществоведов. При этом никто из них явно (думается, и неявно) не подвергал сомнению научный статус марксистской теории и ее претензии на вмешательство в дела науки. Заметим, что некоторые горьковчане – представители мира науки – были учеными высокого ранга. В биологии – это Четвериков. В физиологии высшей нервной деятельности – М. А. Усиевич, преемник П. К. Анохина на должности заведующего кафедрой нормальной физиологии в Горьковском медицинском институте, а после сессии возглавивший академический Институт физиологии, директором которого до него был... академик АМН СССР Анохин.

Важным элементом среды, на которую оказывали действие и «последствие» дискуссии, была философия. Она была основным каналом, через который политическая идеология оказывала влияние на науку. В этой связи уместен вопрос о том, какова роль философов-горьковчан в научно-идеологических дискуссиях? Конечно, все они обязаны были включиться в реализацию решений, принятых в Москве. Так, приказ ректора университета обязывал

научных работников кафедры основ марксизма-ленинизма, в частности специалистов философов, оказывать работникам биологического факультета систематическую квалифицированную помощь в деле овладения высотами марксистско-ленинской философии – методологической основы мичуринской биологии²⁷.

Но ход событий показал, что философы не только до сессии, но и после нее не смогли оправдать надежды партийного руководства.

В осенних (1948) протоколах кафедры марксизма-ленинизма ГГУ тема положения в биологии и сессии ВАСХНИЛ встречается лишь один раз в связи с приведенным приказом ректора. Философы постановили: консультировать

²⁷ Там же. Д. 300. Л. 244.

биологов по философским вопросам; самим ознакомиться с содержанием биологических дисциплин; рекомендовать работникам кафедры посещать философский семинар на биологическом факультете; закрепить к биофаку в качестве консультантов нескольких преподавателей²⁸. Никаких новых идей в философии биологии философы-горьковчане, разумеется, не сформулировали, ограничившись тиражированием уже высказанных в центре тезисов, призывами к подъему уровня идеологической работы.

Правда, в сельхозинституте борьба с генетикой отличалась более активной ролью философов, обществоведов, которые не ограничивались философской риторикой, а попытались оценивать преподавателей биологических дисциплин. На партийном собрании института 8 сентября 1948 г. выступили несколько преподавателей кафедры марксизма-ленинизма, декларировавших классовый характер биологии и союз биологии с философией. Наибольшей изобретательностью отличался философ Ф. Г. Юдинцев. Здесь и риторические вопросы («Будем ли мы продолжать стоять на марксистской позиции, или же наш институт окажется пристанищем вейсманизма?»), и красоты митингового стиля:

Речь идет о том, чтобы отбить атаки идеалистов, наступать, и из всех закоулков, из всех мест и убежищ, из всех голов изгнать идеализм, закрыть все клапаны вейсманизму и нейтрализовать все микробы его [...] Мы должны наступать по всему фронту науки против идеализма, громить его [...] Мы обязаны создать такую обстановку у себя в институте, по которой было бы видно, что мы живем и дышим по-мичурински, что весь коллектив института твердо стоит на пути последовательного проведения марксистско-ленинского принципа партийности теории²⁹.

Удивляет почти полное бездействие идеологических кафедр ГГПИ – марксизма-ленинизма и философии – в период дискуссии по языкознанию. Эта дискуссия не могла ускользнуть от их внимания, ведь она шла на страницах «Правды». Но в протоколах заседаний кафедры марксизма-ленинизма вплоть до 19 февраля 1951 г. нет следов какого-либо обсуждения и работ самого Сталина! Только через семь месяцев после выхода его статьи кафедра марксизма-ленинизма принимает решение «к следующему заседанию кафедры подготовить информацию о перестройке учебных занятий в связи с работой Сталина»³⁰.

Но на следующем заседании эта «информация» так и не обсуждалась. В свете этого отмеченное в протоколе от 3 апреля 1951 г. решение не только включиться в работу по изучению работ Сталина, но и «оказать посильную помощь другим кафедрам по этому вопросу»³¹ выглядит пустой фразой. Немногим лучше обстояло дело и на кафедре философии, которая отреагировала на изменение ситуации раньше (вопрос «об использовании трудов Сталина в учебной работе» рассматривается на заседании кафедры уже в августе

²⁸ См.: Там же. Д. 349. Л. 3–4.

²⁹ ГОПАНО. Ф. 258. Оп. 1а. Д. 10. Л. 86.

³⁰ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 144. Л. 44об.

³¹ Там же. Л. 48.

1950 г.), но реакция эта была очень формальной: членам кафедры предложено составить подробные планы использования работ Сталина при чтении лекций, на семинарских занятиях и сдать эти планы в кабинет. Больше в течение 1950–1951 гг. вопрос о пропаганде, изучении, применении работ Сталина по языкознанию, тем более о философском осмыслении его положений, кафедрой философии не поднимается.

На этом фоне работа по преодолению ошибок марризма в ГГПИИЯ проходит при внешне активном участии кафедры марксизма-ленинизма, члены которой задают тон в обсуждении хода и задач перестройки. Возможно, это объясняется авторитетом кафедры, в состав которой входят четыре кандидата наук, причем все они работают над докторскими диссертациями (для сравнения – на кафедре языкознания в этот период не было ни одного преподавателя с ученой степенью и/или званием, включая ее заведующего); членом кафедры марксизма-ленинизма является и директор института П. И. Шульпин. На расширенном заседании ученого совета вуза 26 июня 1950 г., через несколько дней после выхода статьи Сталина, с докладом по этому поводу выступил кандидат философских наук М. Ф. Фролов, а накануне, 24 июня, состоялось заседание кафедры марксизма-ленинизма, где были выработаны основы идеологической тактики партийно-административного аппарата института³². Было отмечено, что институт оказался в сложном положении, потому что имя Марра фигурирует буквально во всех учебных программах всех факультетов. Кто должен отвечать за сложившуюся ситуацию? В этой связи было высказано два мнения: 1) виновных следует искать среди языковедов, которые вовремя «не подхватили» статью А. С. Чикобавы (называются конкретные имена), а также среди тех, кто в свое время наиболее активно пропагандировал учение Марра; 2) преподавателей нельзя обвинять в том, что они занимались по программам, рекомендуемым «сверху», хотя все должны самокритично подойти к оценке своей прежней деятельности. Возобладала вторая позиция, тем более что и кафедра марксизма-ленинизма не проявила в этом случае достаточного политического чутья. В период дискуссии на страницах «Правды» члены кафедры обсуждали в частных беседах ее ход, но, по откровенному признанию Шульпина, сделанному на заседании кафедры марксизма-ленинизма 24 июня 1950 г., до выхода статьи Сталина не было ясности в «руководящих установках»³³. Кроме того, было решено, что кафедра марксизма-ленинизма должна возглавить работу по перестройке преподавания в институте, в частности, ее члены обязаны были присутствовать с контролирующей и направляющей миссией на ключевых заседаниях всех институтских языковых кафедр. В дальнейшем именно кафедра марксизма-ленинизма в масштабе всего института разрабатывает темы докладов, предназначенных для конференций и семинаров по книге Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», ее сотрудники активно участвуют в этих мероприятиях.

В учебные планы ГГПИИЯ был введен специальный курс по работам Сталина о языке. Специалисты по марксизму-ленинизму посещали занятия лингвистов с целью их контроля. Внимание философов обычно было сосре-

³² ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 99. Л. 66, 66 об.

³³ Там же. Л. 66 об.

доточено на таких моментах лекций, как некритичное упоминание иностранных имен, наличие словесных разоблачений Марра и самокритики, указание «ошибочных» мест в учебниках и пособиях и т. д. Кафедра языкознания, столь активная в период марризма, теперь не проявляет себя. Ее упрекают не просто в плохой работе, а в полном бездействии³⁴.

Таким образом, мы видим, что ситуация в Горьком иная, чем в центре. Обсуждение философской дискуссии в ГГУ (своеобразная точка старта идеологических кампаний) весьма показательна – в ведущем вузе города, в одном из ведущих университетов страны – только один философ-профессионал (уровень кандидата наук, отнюдь не специалист в проблематике дискуссий). В других вузах города – ситуация аналогичная или близкая к таковой. Отсюда незначительное участие философов в научно-идеологических кампаниях в регионе. Для того, чтобы более или менее квалифицированно обсуждать философские проблемы науки, даже быть только лишь ретранслятором идей, идущих из центра, надо иметь соответствующую подготовку – и не просто специально-научную, а философско-методологическую. Таковых специалистов и в столице было немного. А в провинции тем более. Тем самым происходило упрощение, своего рода девальвация исходящих из центра идей. В этом одна из причин постепенного затухания сигнала, идущего из центра в регионы. В целом о каком-то решающем влиянии философов на ход событий вообще говорить не приходится. Состояние кадров (даже в количественном, не говоря уже о качественном отношении) не позволяло осуществить такое влияние. Справедливы слова Б. М. Кедрова: «К сожалению, есть очень мало философов, которые разбираются в конкретных вопросах естествознания»³⁵. Можно добавить – и в вопросах других наук.

«Кадры решают все» – известный лозунг того времени. Они и решили все – подлинных дискуссий не могло быть не только в силу их «предзаданности», предрешенности «в центре», в «верхах», но и в силу отсутствия людей, способных быть носителями соответствующих идей.

* * *

Научно-идеологические дискуссии середины XX в. в СССР имели широкий общественный резонанс и оказали глубокое влияние на науку и образование, а также на людей, работавших в этих сферах. Однако при трансляции этих дискуссий из «центра» на «периферию» их характер менялся: они в значительной степени теряли свою остроту и, по сути, переставали быть дискуссиями. Такое положение дел объясняется несколькими факторами: директивностью указаний, приходивших из центра, которые были, скорее, предписаниями к исполнению, нежели приглашениями к реальной дискуссии; недостаточно высоким научным уровнем местных вузовских сообществ и их неспособностью вести дискуссию по существу; малочисленностью местных научных сообществ и тесными личными связями между их членами, что приводило к снижению

³⁴ Там же. Л. 64.

³⁵ Состояние теории химического строения в органической химии // Всесоюзное совещание 11–14 июня 1951 года. Стенографический отчет. М., 1952. С. 315.

остроты дискуссий; ориентированностью местных научных организаций (в первую очередь вузов) на практические нужды (подготовку учителей, работников сельского хозяйства и т. д.). Ввиду этого реакция местных сообществ на сигналы, ищущие из «центра», сводилась к формальному одобрению научно-идеологических кампаний и рапортам об исполнении полученных предписаний.

В целом же рассмотренные дискуссии стали одним из проявлений наступления на идеологическом «фронте», проходившего в СССР в середине XX в. Чем объяснить такой идеологический акцент в политике высшего партийно-государственного руководства страны? Завершение второй мировой войны знаменовало собой вступление мира в новую эпоху. Как в новых условиях будет устроен мир – не только геополитически и экономически? Как изменится его общественное сознание? Утверждалась новая реальность – не просто послевоенное состояние, где нет места войне. Эта реальность принципиально отличалась не только от военных лет, но и от всех предшествующих, послеоктябрьских (1917 год) десятилетий. Центр политической борьбы перемещался из сферы военного противостояния, противоборства в сферу идеологии и духовной жизни, в сферу культуры. Становилось очевидным, что борьба между двумя социальными системами не может быть разрешена в прямой вооруженной форме. С другой стороны, осталась в прошлом идея мировой революции, тем более ее экспорта. Поэтому центр тяжести в разрешении отмеченного противоречия переносился с борьбы на поле брани на борьбу в сфере идеологии, духовной жизни. Отсюда особое внимание высшего политического руководства СССР к сфере идеологии, утверждению в ней твердых идеологических позиций, сохранению фундаментальных мировоззренческих устоев, четко выраженных идеологических и мировоззренческих приоритетов. Трудно сейчас сказать, было ли это сознательной, отрефлексированной позицией или неявной установкой. Может быть, здесь нашла свое воплощение та «хитрость мирового разума», о которой говорил Гегель. Так или иначе, предчувствие будущего оказалось правильным. Именно в сфере духовной жизни, идеологии, мировоззрения в дальнейшем происходило одно из главных сражений XX в. – «холодная война».

Но прогноз – это только первый шаг. Как показало будущее, политическая система СССР не сумела дать ответ на вызовы времени. Догматизм, сверхжесткая централизация всей жизни общества, авторитаризм, косные социальные, политические, информационные технологии и другие внутренние (объективные и субъективные), а также внешние факторы привели в итоге к ситуации конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Оказалось, что недостаточно предвидеть будущее, чтобы влиять на него, тем более – взять его под контроль, подчинить, добиться реализации поставленной цели.

По отношению к науке полагалось, что ее основные мировоззренческие и методологические проблемы решены в сочинениях классиков марксизма-ленинизма. Необходимо лишь уметь применять эти знания в теории и на практике, делать их достоянием каждого ученого. Марксистская теория объясняет прошлое и настоящее, прогнозирует будущее. Никакие принципиальные новации в этой теории не могут быть сделаны кем-то иным, кроме как высшим политическим руководством, персонификацией которого выступал Сталин.

Его соратники могут разъяснять те или иные теоретические положения. Но все это – на политическом Олимпе. Исследовательские научные структуры в этой сфере представлялись излишними.

На практике такое положение дел приводило к застою научной общественно-политической и экономической мысли. Возникало противоречие: декларируемая и утверждаемая на высшем уровне мощь и сила всепроникающей государственной идеологии, претендующей на абсолютное, исключительное, монопольное положение в духовной сфере общества, а «внизу» – слабость, косность, инертность реализации. Кто должен был «на местах» реализовывать установки высшего политического руководства? Считалось, что здесь нет существенной проблемы. Достаточно инструктивных совещаний, директивных указаний и т. п. Подлинно научной разработки мировоззренческих и методологических аспектов развивающейся науки фактически не проводилось.

Тем самым идея повисала в воздухе. Первичный импульс, казалось бы имевший в стартовой точке огромную силу, поддержанный всей мощью государства, оказывался «затухающим» уже в центре, и тем более по мере удаления от него. Среда поглощала идею.

Догматизм в теории, постулативность идей, выдвигавшихся высшим политическим руководством страны и объявлявшихся марксистскими, а значит абсолютными, непогрешимыми, реализация этих идей в формах, не отвечавших требованиям времени, явились в итоге одной из причин краха советской цивилизации.